

Сборник стихотворений иностранных поэтов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Сборник стихотворений иностранных поэтов. Дмитрий Иванович Писарев
Переводы В. Д. Костомарова и Ф. Н. Берга. Москва. 1860.

Грустное впечатление производят книги, о которых решительно нельзя сказать, для кого они написаны; одни не найдут в них ничего нового, другие ничего замечательного, трети - ничего понятного. Для детей пишут элементарные руководства витиеватым языком, народу сообщают первые необходимые сведения, не умея избегать научных терминов, для русской публики переводят иностранных поэтов так своеобразно, что человек, знающий подлинник, не узнает его в переводе, а незнающий, пожалуй, и вовсе не дощется смысла. К числу таких бесцельных и бесплодных явлений в области книжной торговли относится "Сборник стихотворений иностранных поэтов", изданный в Москве гг. Бергом и В. Д. Костомаровым. На их книжку стоит обратить внимание, во-первых, потому, что она своей внешностью и именами переведенных поэтов может расположить публику в свою пользу, во-вторых, потому, что гг. переводчики обещают продолжать свое издание, если первый выпуск будет иметь успех. В сборник вошли имена Гюго, Беранже, Гейне, итальянских патриотов-поэтов, Шамиссо, Трегера и двух датчан - Андерсена и Эленшлегера. Почему выбрали именно этих поэтов и почему из их творений выбрали именно такие-то стихотворения - остается неразрешимым вопросом. Сборник не носит на себе никакого определенного характера; руководящей идеи не видно ни в группировке поэтов, ни в выборе стихотворений. В переводах с итальянского господствует, конечно, политическое направление; об остальных нельзя сказать ничего общего; при чтении многих переведенных стихотворений рождается невольно вопрос: чем они обратили на себя внимание переводчика и для чего он тратил время и труд, чтобы познакомить русскую публику с бесцветными и даже не особенно грациозными лирическими стихотворениями. Стоило ли переводить с датского "фиалки", где говорится, что "счастливый мальчик манит в сад цветочки-глазки", а что "кругом звенят голоски: иди же в сад, иди же в сад". Все стихотворение написано для того, чтобы сравнить глазки девушки с фиалками, и это стихотворение переводится на русский язык в то время, когда наша критика серьезно и сильно упрекает некоторых наших лириков в бедности содержания. Зачем же брать от других то, чего у самих чересчур много, и брать в такое время, когда всякий здравомыслящий человек сознает излишество разных неудавшихся подражаний "Новой весне" Гейне.

Стихотворения с датского как-то особенно неудачно выбраны. Как вам понравится, например, "Умирающее дитя" (стр. 149)? Ребенок при смерти и говорит с своею мамашею о том, как прилетал к нему ангел; замечательно то, что он говорит так же спокойно и речисто, как учитель риторики. Всякий предмет обозначен эпитетом, и картина выходит очень яркая; есть радужное крыло и лазурное облако, и золотой круг, и пестрые цветы, и райский запах, словом, нужно полное отсутствие эстетического чувства, чтобы не понять, что это стихотворение - набор слов, в котором нет ни естественности, ни чувства; а г. Берг перевел его. - Он перевел также стихотворение "у колодезя", и вот его содержание: девочка смотрит в колодезь и припоминает рассказы своей матери о том, как мудрая женщина приносит ей детей из колодца; при этом у нее рождается желание добыть себе ребенка и заменить им куколку. Это все очень наивно - спору нет, но ведь уж кроме наивности ровно ничего, а наивность как-то не прививается к русскому здравому смыслу и переходит в приторность. Если прибавить к этому, что стихотворение переведено размером "Конька-горбунка", то не покажется удивительным, что наивность датского подлинника принимает в русском переводе характер плоской двусмыслинности. Затем следует стихотворение с припевом: "говорят, говорят!", которое можно было бы напечатать разве только в покойном "весельчаке", {1} до такой степени при претензии на остроумие оно вяло и пусто. По этим четырем плохим стихотворениям русская публика осуждена составить себе понятие об Андерсене. Что можно подумать? что это поэт без миросозерцания, без эстетического чувства, даже без фантазии. Чтоб оправдать Андерсена, посмотрим, что перевел из него Шамиссо, замечательный лирик и человек с тонким и развитым вкусом. Вот, например, буквальный перевод стихотворения "Marzyeilchen", {"Мартовские фиалки". - Ред.} взятого им из Андерсена; это же стихотворение вошло в "Сборник" под заглавием "фиалки". Сравню их по строфам:

Шамиссо: Берг:

Свод небесный блестит чистою блеск солнца в небе голубом;

Сборник стихотворений иностранных поэтов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
синевою, И пенье и весна кругом;

Мороз расписал стекла цветами; В окошке пестрые цветы

На окне красуются сверкающие Глядят на садик с высоты.

цветы;

Юноша, глядя на них, стоит перед А из-за них смеясь глядят

окном. Фиалки-глазки в пестрый сад.

А за цветами еще цветет Счастливый мальчик там стоит,

Пара голубых, веселых глаз - Цветочки-глазки в сад манит;

Мартовские фиалки, каких тот и И голоски кругом звенят:

не видывал; Иди же в сад, иди же в сад!

Иней растает от живого дыхания;

Ледяные цветы начинают таять.

Убереги бог молодого человека!

У Шамиссо мы видим легкую, остроумную шутку талантливого поэта, мы видим грациозный образ, в котором поэт выражает влияние женской красоты. У Берга ничего этого не видно. Из Андерсена можно было выбрать и получше; укажу, например, на стихотворение "Müllergesell", {"Мельничный подмастерье" (нем.). - Ред.} переведенное Шамиссо, представляющее самый тонкий психологический анализ и проникнутое теплотой задушевностью (Chamisso. S. 185). {шамиссо. Стр. 185. - Ред.} Из Эленшлегера г. Берг перевел сцену трагедии "Гакон Ярл". Сцена эта замечательно ничтожна и заключает в себе только взаимные угрозы двух витязей: Гакона и Олафа. Ни замечательной мысли, ни драматической живости действия, ни психологической верности анализа! Что понравилось тут г. Бергу, это остается совершенно непонятным. Если бы совершенно откинуть переводы из датских поэтов, от этого нисколько не потерял бы сборник.

С Шамиссо г. Костомаров обращается очень бесцеремонно. В стихотворении "Старая прачка" он откинул весь последний куплет, не пояснив причины. Физиономия стихотворения совершенно изменена. Шамиссо изображает деятельную, бодрую старуху, жившую честным трудом и сохранившую до седых волос физическое здоровье и нравственную энергию. Г. Костомаров представляет страдалицу, несшую тяжкий крест, плачущую над работой и не решавшуюся роптать на господа. Может быть, оба типа одинаково законны и важны, но только Шамиссо написал не то, что перевел г. Костомаров. Шамиссо говорит: "она честным прилежанием наполняла тот круг, который отвел ей господь". Г. Костомаров переводит: "и без роптания на господа несла тот тяжкий крест, который ей послал он". Смешал ли г. переводчик Kreis и Kreuz {Нем. Kreis круг; Kreuz - крест. - Ред.} или сознательно отступил от подлинника - все равно, колорит от этого во всяком случае изменяется.

Шамиссо:

Она несла долю жены; не было недостатка в заботах; она ходила за больным мужем, она родила ему троих детей; она положила его в гроб и не потеряла веры и надежды.

Костомаров:

И с кроткою покорностью сносила

Обязанность суровую жены.

Муж у нее сварливый был, больной,

Трех дочек от него она имела,

И не осталось с нею ни одной

Но все перенести она умела.

Сварливость мужа, суровая обязанность жены – две черты, прибавленные переводчиком.

Шамиссо:

Она стала работать ножницами и иголкою
И собственноручно сшила себе
Безукоризненный саван.

Костомаров:

Она берет наперсток и иголку,
Шьет саваны дрожащею рукою
Без ропота... Лишь плачет втихомолку.

Это совершенно не то, что говорит Шамиссо. Отчего плачет прачка, отчего у нее дрожат руки – это не пояснено никак, да и совершенно не в ее характере; в следующем куплете Костомаров умалчивает. Точно так же стихотворение "Нищий и ю собака" представлено не в переводе, а скорее как вариация на данную тему. Бедный нищий, у которого разрывается сердце в то время, как он надевает петлю на шею своей собаки, назван у г. Костомарова "злодеем". О собаке сказано, что она "вдруг околела" на могиле хозяина, точно будто с нею сделался апоплексический удар. По признанию самих переводчиков, лучше всего переведены у них стихотворения Гюго "с сохранением как образов, так даже и эпитетов подлинника". Посмотрим, что это за перевод. Вот, например, картина разрушения Содома и Гоморры. Курсивом напечатано в подлиннике то, чего нет в переводе, а в переводе то, чего нет в подлиннике.

Ce peuple s'eveille, _Туча грозная ревет,
Qui dormait la veille вихорь крыши с зданий рвет,_
Sans penser a Dieu. И проснулся тот народ,
_Les grands palais croulent, что вчера, забыв о боже,
Mille chars qui roulent _В золотом_ уснул _чертоге_,
Heurtent leur essieu; _И в смятении, в тревоге
Et la foule accourue Все из города бегут
Trouve en chaque rue_ На долину, но и тут_
Un fleuve de feu. Реки пламени текут.
Sur ces tours altieres _Словно глыбы хрупкой глины,
Colosses de pierre, Пали_ башни-исполины,
_Trop mal affermis, И, волнами снесена,
Abondent dans l'ombre_ _Пала белая стена.
Des mourants sans nombre Под развалинами сводов
Encore endormis. Улиц крытых переходов_,
_Sur des murs qui pendent Не опомнившись от сна,
Ainsi se repandent Гибнут тысячи народа

Сборник стихотворений иностранных поэтов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
De noires fourmis._ _В лавы огненных волнах._

Se peut-il qu'on fuie Где же вам искать спасенья
Sous l'horrible pluie? _От огня и разрушенья?
Tout perit, helas! Все погибло, все, увы!
_Le feu qui foudroie _Все гранитные твердыни
Bat les ponts qu'il broie, Вашей суэтной гордыни
Creve les toits plats, В прах повергнуты, и вы,
Roule, tombe et brise дети мрачного Эрева,
Sur la dalle grise Не спасется от гнева
Ses rouges eclats! Бога сил, Иеговы.
Sous chaque etincelle Туча лопнула от жара,
Grossit et ruisnelle И от каждого удара_ (чего?)
Le feu souverain._ {*} _Ярче зарево пожара._

{* Подстрочный перевод:

Пробуждается народ,
Который еще спал накануне,
Не помышляя о боже.

_Роскошные дворцы рушатся;
Тысячи катящихся колесниц
Задевают осами одна другую;
И сбежавшаяся толпа
Встречает на каждой улице_

Огненный поток.

На гордых башнях

Каменные колоссы,

Плохо укрепленные,

Множат _во тьме_

Бесчисленных умирающих,

Еще не проснувшихся.

_На рушащихся стенах

Так мечутся

Черные муравьи._

Возможно ли бежать

Под этим ужасным дождем?

Все погибает, увы!

_Огонь, поражающий молнией,

Охватывает мосты, разрушая их,

Пронзает плоские кровли,

Катится, низвергается и обламывает

На серых плитах

Свои красные отблески!

С каждой искрой

Усиливается и растекается

Державный огонь... - Ред.}

И так далее...

Из 32 строк переданы приблизительно верно 10, и это вы найдете в каждом стихотворении Гюго. Вот вам и сохранение образов и эпитетов; и хоть бы эти отступления выкупались художественностью языка, звучностью и верностью стихов. Что за рифмы, что за грамматические ошибки, что за нарушения исторической, верности в самовольных отступлениях от подлинника! У г. Костомарова считается рифмами: сна и волнах (стр. 20), шумом и другом (21), праздник и участник (24), огромный и верховный (23), помочь им и и очи (25), ни тени и теченье (25), рассекает и чаек (27), наряды и стадо (27). Все эти примеры собраны на семи страницах, и между тем какие кровавые жертвы г. переводчик приносит рифме. Для того чтобы найти третью рифму к словам своды и народы, г. Костомаров употребляет выражение: лавы пламенные воды (19). Для рифмы он называет жителей Содома и Гоморры детями мрачного Эрева и сливает представления греческой мифологии с еврейскими преданиями. Он пишет: шире пламенный поток, и вслед за тем для рифмы небеса сыплют огненный песок, который для сожжения провинившихся городов был уже собственно излишен при потоках огненной лавы, но для стиха именно при потоке и оказался необходимым. А главное хорошо то, что в подлиннике нет ни пламенных вод лавы, ни детей Эрева, ни огненного песку. Это все от г. переводчика и для рифмы. Г. Костомаров для рифмы сочиняет новые слова и даже не поясняет их значения:

драгоценная тиара

Занялась на нем, как фара.

Что такое фара! Сличаю с подлинником и вижу там phare, рифмующее с tiare и переводящееся русским словом маяк. Но уж тиара и маяк даже на снисходительное ухо г. Костомарова не покажется рифмою. Он и создал фару, и рифма вышла богатая.

А вот и грамматическая ошибка во имя рифмы:

Валы пепла, волны пламя

И царя-волхва и знамя

Увлекали за собой.

Пламя, по мнению г. Костомарова, есть родительный падеж от существительного того же имени. Но уж зато, надо сказать правду, где г. Костомаров пожертвует здравым смыслом, историей или грамматикой, там интересы уха спасены, и рифма выходит блистательная.

Посмотрим, что же сталося под рукою непризванных переводчиков с грациозными, легкими созданиями Гейне и Беранже, которые так легко испортить и которые так часто портили у нас в России и в журналах и в отдельных изданиях. В сборнике мы находим между прочим перевод прелестной песни Беранже "La couronne retrouvee". {"Вновь найденный венок". - Ред.} В подлиннике вложен в эту песню целый мир чувства. Тут есть и грусть, и добродушный юмор, и слезы сквозь улыбку, и то любовное отношение ко всему живому, ко всякой искренней радости, которое составляет вечно свежую и господствующую черту поэзии Беранже. Все это выражается просто как бог

Сборник стихотворений иностранных поэтов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org послал, все это как будто не сознает собственной прелести и оттого становится еще прелестнее. добрый, честный, любящий старик смотрит на увядший венок и, вспоминая прошлое, поневоле с грустью относится к настоящему. Но уже самое это тихое настроение грусти исключает всякий цинизм, всякое ожесточение против настоящего. Вот как говорит поэт о той женщине, которую он когда-то любил, и вот как переводит это место Г. Костомаров:

Et la beaute tendre et rieuse, А та красавица, что белою рукой
Qui de ces fleurs me courrona Вот в этот самый лавр мне розаны
jadis? вплетала,
vieille dit-on elle est pieuse; Да, говорят, сварливою ханжой
Tous nos baisers, les a-t-elle maudits? На старости-то лет моя красотка
J'ai cru que Dieu pour moi l'aurait стала.
fait naitre, Неужели ж и я об ней
Mais l'age accourt qui vient tout не пожалею
effacer. И так же, как она, забуду
O honte! et sans la reconnaître страсть свою!
Je la verrais passer. {*} О стыд, теперь и я, встречаясь
с нею,
Ее не узнаю.

{* Подстрочный перевод:

А нежная красавица и хохотунья,
Та, которая некогда увенчала меня этими цветами?
Говорят, что она богомольная старушка.
Неужели она прокляла все наши поцелуи?
Я думал, что бог создал ее для меня,
Но прошли годы, которые все изгладили.
О стыд! Может быть, и я, не узнав ее,
Пройду мимо. - Ред.}

Я не знаток живописи, но мне кажется, что если бы художник арзамасской школы взялся списать Сикстинскую мадонну, то результат его трудолюбия был бы похож на картину Рафаэля столько же, сколько перевод Г. Костомарова похож на стихотворение Беранже. Посредственные дарования любят класть краски густо, ярко, чтоб в глаза было, чтоб издали было заметно. Вместо картины выходит вывеска. Но это не беда! блестит по крайней мере. Беранже говорит: "она богомольная старушка". Г. Костомарову это кажется слабо, и он ставит сварливую ханжу, что, конечно, выходит рельефнее. Беранже говорит: "я бы, может быть, не узнал ее". Г. Костомаров избавляет читателя от тягостного сомнения: "теперь и я, встречаясь с нею, ее не узнаю". Не правда ли, так будет гораздо яснее. Впрочем, гг. переводчикам бог простит; ведь у них разобрать трудно, что делается по глубоким эстетическим соображениям и что изменяется случайно, в угоду рифмы; замечу мимоходом, что _ханжой_ рифмует с _рукой_, а _узнаю_ с _свою_, и это, вероятно, играет не последнюю роль в ряду соображений, побудивших Г. Костомарова исковеркать мысль своего подлинника. Следующее затем стихотворение "фиалки" сплошь набито выдумками Г. Костомарова. Например:

фиалка бедняжка! апрельский мороз

Уж стелет ковер серебристый,
И белой бахромкой по веткам берез
Раскинулся иней пушистый.

Оно гладко и по размеру и по рифмам, только, к сожалению, выходит бессмыслица, да и к тому же Беранже говорит совсем не то. Если в апреле мороз уже стелет серебристый ковер, значит к маю, должно быть, замерзнут реки, пойдут метели, и уж тут подлинно горе будет бедняжке фиалке; придется пуще прежнего _рыдать от стужи_ (стр. 107). Не мешает заметить, что у Беранже нет ни серебристого ковра, ни берез, обшитых бахромкой инея, ни бедняжки, ни рydаний, ни даже апреля. Все дело происходит в начале марта; от весенних лучей солнца над снегом поднимается пар, фиалки только немного зябнут, и поэт предостерегает их, говоря, что разрыхленный снег может опять скрепиться морозом. Г. Костомаров по привычке усилил все это и, вероятно, приоровил свой перевод к русскому климату, перенеся действие на апрель.

Перейдем к Гейне. О внешности перевода говорить нечего; он нисколько не лучше всех остальных, а степень его совершенства я оценил уже достаточно, говоря о Гюго. Любопытно теперь посмотреть, как гг. переводчики _поняли_ Гейне; этого поэта нужно знать, чтоб переводить его; иначе внутренний смысл выдохнется, и там, где у Гейне выражено миросозерцание, там в переводе окажется только претензия на оригинальную выходку, лишенную внутреннего содержания. Наша публика, незнакомая с немецким языком, положительно не знает Гейне, и в этом виноваты переводчики. Почти все лирические стихотворения Гейне переведены, но почти никто не переводил его по циклам, в книге "Neue Gedichte" {"Новые стихотворения". - Ред.} есть несколько лирических романов, из которых каждый назван именем женщины. "Анжелика", "Катарина", "Серафима", "Эмма" и т. д. состоят, как известно, из ряда лирических стихотворений, в которых изображены различные моменты в развитии чувства мужчины к женщине. Наши поэты переводили из этих Циклов отдельные стихотворения, а физиономия Гейне выражается именно в их совокупности, в их связи между собою. Публика наша любит Гейне, но положительно не знает его. Переводы гг. Берга и Костомарова могут только повредить этому делу, потому что поэтическая личность Гейне ими не понята положительно. Во всяком сколько-нибудь характеристическом стихотворении Гейне самая замечательная черта или вовсе опущена, или извращена самым бесчеловечным образом. Судя по переводам г. Костомарова, можно предположить, что он был бы поставлен в крайнее затруднение, если бы его попросили написать критическую статью о Гейне; а тяжело, должно быть, переводить поэта, которого не знаешь и не понимаешь. За примерами этого непонимания дело не станет. Переведена между прочим "Песня океанид"; вот сюжет этого стихотворения, как я его понимаю. На берегу Северного моря сидит мужчина и хвалится перед морскими чайками своим блаженством. Тогда океаниды, вслушавшись в его слова, начинают петь ему песню следующего содержания:

"Глупый ты, глупый человек, хвастун нелепый! Гнетет тебя тоска! Погибли твои надежды, живые дети сердца, и, увы! сердце твое, подобно Ниобе, каменеет от горя. В голове у тебя наступает ночь, и сверкают в ней молнии безумия, и ты с горя хвастаешь! О, глупый ты человек, глупый хвастун. Ты упрям, как твой предок, великий титан, укравший у богов небесный огонь и давший его людям. Измученный коршуном, к скале прикованный, он грозил Олимпу и не покорялся и стонал, так что мы это слышали в глубине моря и пришли к нему утешать его песнью. Глупый, глупый ты человек, хвастливый глупец! ведь ты еще бессильнее. Ты бы сделал благоразумно, если бы стал уважать богов и терпеливо перенес тяжесть страдания, и нес бы ее терпеливо так долго, так долго, пока сам Атлас потеряет терпенье и сбросит с плечей тяжелый мир в вечную ночь".

А вот перевод Костомарова:

Дурак ты, дурак ты, хвастливый безумец!

Жалко тебя нам!

Там погибают твои золотые надежды

Сердца шутливые дети!

Сборник стихотворений иностранных поэтов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
и ах! твое сердце, подобно Ниобе,

Окаменеет от скорби великой,
И в голове твоей темная ночь поселится,
И молнии бешенства будут одни лишь блестать в ней.

Расхвастался ты перед горем-бедою! и т. д.

На это место перевода стоит обратить внимание. Не говоря уже о грубом незнании немецкого языка, выражающемся в том, что г. Костомаров переводит "Kummergequalter {измученный горем. - Ред.} - "жаль мне тебя", "_dahin_gemordet" {убиты, погибли. - Ред.} - "_там_ погибают", настоящие времена глаголов - будущими (versteinert - окаменеет, zucken - будут блестать), наконец, оборот: "du prahlst _vor_ Schmerzen" {Ты хвастаешь с горя. - Ред.} - словами: "расхвастался ты _перед_ горем", не говоря уже обо всем этом, любопытно посмотреть, как понята вся идея стихотворения.

Что хотел сказать Гейне, или, вернее, что сказалось в его поэтическом образе? - То, что человек с разбитым сердцем, с лопнувшими надеждами, с уничтоженными верованиями находит удовольствие в том, чтобы упорно говорить о своем счастье, с цинизмом хвастать им перед другими, давая им, впрочем, заметить свою неискренность, и громким, резким, ожесточенным хохотом заглушать голос тихой грусти или судорожные вопли страдания. Этот человек становится лицом к лицу с природою, смотрит на волнующееся море, на серое небо и в виду их беспредельности начинает смутно чувствовать мелочность своей неискренности, начинает понимать, что та несокрушимая сила, которой он хвастался перед людьми, даже не успокоивала страдания, а только закрашивала рану. Страдалец перестает рисоваться, фанфарон делается на минуту искренним человеком, и ожесточенный смех разрешается тихими, теплыми слезами ноющей грусти, Кто читал Гейне внимательно, да кто при этом знает немецкий язык лучше г. Костомарова, тот припомнит, что борьба между искреннею грустью и натянутым смехом не только составляет колорит его произведений, но во многих из них обращает на себя его собственное внимание и делается предметом поэтической обработки. Г. Костомаров этого не знает и потому принимает "Песню океанид" за какое-то пророчество о будущих страданиях и, кажется, вместо глубокой мысли видит во всей пьесе только причудливое творение фантазии. В стихотворении "Горные голоса" ошибка переводчика еще наивнее. Гейне представляет, что эхо отвечает на слова путника, расспрашивающего о своей судьбе. Оно отвечает, повторяя его последние слова, и эти ответы, случайно нося на себе характер грустного предзнаменования, наводят уныние на путника. В этом поэтическом образе лежит глубокая ирония, но в ней нужно вдуматься. Все, в чем есть доля мистицизма, все, что основано на одном веровании и не проверено критикою мысли, - все это случайно, и между тем всему этому слабое человечество придает суеверное значение, отказываясь во имя бредни от живых надежд и свежих радостей жизни. Вот смысл слов Гейне. Что г. Костомаров не понял этой затаенной иронии - это еще не беда, но он даже не понял, что этот горный голос - эхо, или забыл, что эхо повторяет последние слова. Путник в переводе говорит: "или с темной, холодной могилой". Эхо повторяет: с могилой.

В третьем куплете путник говорит: "пусть с любовью могилу встречают", а эхо отвечает: "там счастье". Что же это такое? ведь это значит переводить стихотворение, не прочтя его или не умея прочесть. Этак немудрено выпустить десять книжек, подобных разбираемой, немудрено перевести всего Гейне и Беранже, но что же в них толку? Такие книги сбивают публику с толку, портят эстетическое чувство или отбивают охоту от чтения. В личностях Юго, Беранже и Гейне мы видим поэта фантазии, поэта чувства и поэта мысли. Создание фантазии искажено произвольными прибавками, опущениями и выдумками, в которых нет ни исторического значения, ни эстетического такта. Выражение чувства превратилось в грубую карикатуру, в которой нет даже психологического правдоподобия. Проявление творческой мысли и разумного миросозерцания не понято и искажено; где у Гейне ирония, там в переводе наивное оригинальничанье, которое само не понимает своего значения; где у Гейне истинное сдержанное чувство, там в переводе искаженное и водянистое подражание непонятыму оригиналу.

ПРИМЕЧАНИЯ

"Поэты всех времен и народов"

Обе рецензии впервые были опубликованы в журнале "Русское слово" (первая - 1860, кн. 12; вторая - 1862, кн. 5). В первое прижизненное издание сочинений не включались. Позднее перепечатывались в шеститомном издании ф. Павленкова под общим заглавием: "Вольные русские переводчики". Здесь обе рецензии воспроизводятся по тексту журнала; ввиду тесной их тематической связи мы помещаем здесь первую рецензию непосредственно перед рецензией 1862 г.

В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится беловой автограф первой рецензии (архив "Русского слова"). В рукописи имеются отдельные места, не вошедшие в печатный текст. {Автограф исследован Л. Э. Варустиним; им же произведено для данного издания сличение печатного текста с рукописью.}

После слов: "у Берга ничего этого не видно" и перед новым предложением: "из Андерсена можно было выбрать" (см. данн. изд., стр. 340) в автографе следовал разбор переводов стихотворения Андерсена, сделанных Бергом и Шамиссо: "(у Берга ничего этого не видно:) ледяные цветы заменены фиалками, морозный яркий день цветущую обстановкою весны, пестрый сад придуман самостоятельно. далее, зачем мальчик, стоящий перед окном, назван счастливым? Зачем он манит цветочки-глазки в сад и откуда взялись голоски кругом? Переводчик умел при передаче совершенно изменить колорит; у него мальчик зовет девушку на свидание, и девушке желательно пойти к нему; у Шамиссо, которому мы позволим себе больше верить, нежели г. Бергу, изображена та минута, когда красота женщины только что начинает действовать на эстетическое чувство юноши. Даже в неизмененном виде стихотворение Андерсена не заслуживает особенного внимания; переводить его не стоило бы в сборнике, имеющем целью познакомить русских читателей с физиономией лучших иностранных поэтов, но по крайней мере оно не компрометирует автора; в нем виден ум, игривость и свежесть, что же касается до переделки г. Берга, то некоторые строки ее целиком годятся на конфектный билетик, а все вместе выходит до невозможности бедно и сладко".

Несколько ниже (см. стр. 340), после слов: "Если бы совершенно откинуть переводы из датских поэтов, от этого нисколько не потерял бы сборник", перед новым абзацем, посвященным разбору переводов из Шамиссо, в рукописи дается разбор переводов с итальянского:

"Переводы из итальянских поэтов сделаны с большим выбором и исполнены лучше, хотя порою встречаются уродливые и смешные погрешности. Например: "А вокруг _печаль рычит_, струятся слезы, кровь" (стр. 139). В отрывке из трагедии "Arnoldo da Brescia" г. Костомаров принимает Рим за женщину и, следя своему оригиналу, называет вечный город блудницею, говорит ему: "ты опьянала от крови жертв своих", "ты попрала белую одежду"; оно и в итальянском выходит напыщенно, но там по крайней мере _Roma_ женского рода. Нельзя же при переводе не обращать никакого внимания на грамматику того языка, на который переводишь. По-русски тирада:

Я осудил тебя, блудница Рим! Ты опьянала
От крови жертв своих, ведешь разврат
Со всеми сильными земли...

просто смешна и бессмысленна. Здесь г. Костомаров слишком усердно поддержался подлинника, но с ним это бывает редко. Большею частью он действует смелее, отбрасывает то, что ему не нравится, и прибавляет свое для большей картинности или для удобнейшего приискания рифм".

В автографе есть и другие, более мелкие отличия от печатного текста. Например, вместо: "Такие книги сбивают публику с толку" (см. стр. 347), в рукописи сказано сильнее: "Такие книги надо преследовать! Они сбивают публику с толку".

В рукописи рецензия имеет следующий конец, отсутствующий в печатном тексте: "что же еще прибавить? В книге нет живого места, и потому довольно"

Сборник стихотворений иностранных поэтов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org В рецензиях нашли яркое выражение те высокие требования как в идеином, так и в художественном отношении, которые предъявлял Писарев к выбору переводимых произведений иностранной литературы, его внимание к принципам художественного перевода. Важное место занимает здесь характеристика творчества Гейне, к оценке которого он неоднократно обращался (см. об этом в прим. к статье "Генрих Гейне", данн. изд., т. IV). Кроме того, вторая рецензия интересна и как политический документ. Один из авторов разбираемых здесь переводов – Вс. Костомаров – приобрел позорную известность как агент III отделения своей предательской ролью в политических процессах 60-х гг. Сфабрикованное им письмо фигурировало на процессе известного революционно-демократического деятеля поэта М. Л. Михайлова в качестве "вещественного доказательства" виновности Михайлова. Позднее он же сфабриковал подложную записку от лица Чернышевского, использованную при расправе царского суда над великим революционным демократом. Язвительно-убийственные намеки Писарева на доносительскую "деятельность" В. Костомарова и имеют в виду разоблачить гнусную роль В. Костомарова в деле М. Л. Михайлова.

- 1 "Весельчик" – юмористический журнальчик, выходивший в Петербурге в 1858–1859 гг.
- 2 Писарев, очевидно, имеет в виду Арсеньева Илью Александровича (1820–1887) – бездарного продажного журналиста, агента III отделения, сотрудника булгаринской "Северной пчелы", а затем организованной министром внутренних дел П. А. Валуевым газеты "Северная почта"; под псевдонимом Заочный сотрудник в "Русском вестнике" М. Каткова, а затем в газете "Северная почта" видный чиновник министерства внутренних дел В. К. Ржевский (1811–1885). Таким образом это место в рецензии Писарева представляет меткий выпад по адресу бюрократически-рептильной журналистики.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!